

«Люблю любить»

Людмила Скосырская 22 года руководит единственной в стране детской филармонией

Наталья ПОДКОРЬТОВА

Детские филармонии в том или ином виде в России существуют. Где-то взрослые для детей поют, где-то это просто набор музыкальных коллективов. Уникальность нашей в том, что она – концертная организация, где все артисты – дети, где есть полновесный репертуар, где есть государственный заказ.

– Людмила Георгиевна, не могу не спросить на старте 2012 года: боитесь его?

– Я не обращаю внимания на массовый психоз. Для нас главное – в июле сдать новое здание филармонии. Честное слово. Не слышу ничего, и календарь маяя меня не волнует. Кошек света будет, если мы не откроемся.

– Как интервью «без галстука» будет выглядеть в женском варианте?

– Думаю, «без причёски». К одежде отношусь без пристрастий, а вот причёска – показатель. Ещё очень важный для меня элемент – часы. С детства привыкла: «Ты уже часы надела, значит – взрослая».

– А косметика?

– Я начала делать макияж с сентября прошлого года, когда подстриглась. Раньше только губы красила. Стюлисту сказал, что нужна «точка». Макияж – это для других, не для себя. Женщиной можно оставаться и без косметики. Я здесь несколько раздваиваюсь. С одной стороны, по-настоящему женщина – хозяйка, люблю обустроить дом. С другой – у меня на последнем месте покупка женских «штучек». Никогда не освобождала себя от домашнего труда, могу капусту-помидоры сажать, корову доить. Я – восточная женщина, живу для мужа и детей.

– Филармония – тоже ваш дом. Не тяжело жить на два дома?

– Даже границы нет: хозяйка и там, и там. Особенно ощущаю сегодня, когда перешли в автономию, когда усилилась ответственность руководства. Раньше я просто считала деньги, сейчас должна уметь зарабатывать. Как дома в кошелеке, рассчитать и разложить: сразу всё потратить или подкопить, филармония, конечно, – дом, со-трудники – домочадцы. Надо помнить, кто когда родился, женился, помогать заболевшим и не только коллегам, но и их родным. Бывает сложно найти слова, чтобы сообщить о приятном событии у другого коллектива.

– Для филармонических детей вы – заботливая и любящая мама, а для руководителей коллективов?

– Другое хотелось бы быть. В своё понятие дружбы много вкладываю. Это плечо, совет, разделённая радость, когда ты в новом платье, друг – соучастник в делах. Вне филармонических друзей нет, хотя со всеми в хороших отношениях, однокурсники всегда собирались только у меня.

– Знаете всех своих юных скрипачей, певцов, балалаечников, танцоров?

– Концертные составы – да. Многих родителей – по имени-отчеству. Узнаю постепенно. Дети ведь дома – одни, в школе – другие, в поезде – опять другие, на сцене – тем более другие. Сцена – необыкновенное «природное явление», как северное сияние. Прошедшие через неё отличаются от тех, кто не имеет этого опыта. У наших детей три концерта в день может быть, и перед разной аудиторией! Как они преображаются, особенно после больших гастролей! Иногда, собираясь в дорогу, думаю, ради чего такой сложный путь – автобус, самолёт, чтобы автобус или поезд. По возвращении уже нет этого вопроса. Ни у меня, ни у организаторов, ни у детей.

– Это правда, что вы не пропускаете ни одного выступления своих воспитанников?

– Нет. Один пропустила. В прошлом году впервые не была на сольном концерте. Я всегда сижу в середине зала и делаю то, что не положено директору: кричу «Браво!» и хлопаю. Как мама любого артиста. И так мне всё нравится!

– Прошедшие через детскую филармонию ребята – люди со знаком качества?

15-летие филармонии: молодой директор и уже легендарная Капелла мальчиков

– Да. Особенно ставшие выпускниками. Но сколько не ходит год-два до выпуска. По разным причинам. Проще же не водить, не ходить, потусоваться, телевизор посмотреть. А у нас – труд. Мы стараемся воспитывать в мальчиках и девочках преданность делу. Здесь проходит всё детство: с четырёх до 15-16 лет, когда многое уже сформировано. Выпускники филармонии – золотой фонд и города, и области: отличные врачи (в том числе и главные), хорошие учителя. Они есть и в попечительском совете филармонии. А какие отличные артисты: Олежка Ягодина, Серёжа Душин, Саша Копылов, Вадик Желонкин. А сколько их, состоявшихся в столице! Филармоническое братство не даёт потеряться певшим в Капелле и в джаз-хоре, игравшим в оркестрах. На серьёзном концерте «Улыбки» были все. Сейчас, говорят, братство уходит. Мне кажется, есть объективные причины – мы уже четыре года живём не вместе, занимаемся на разных площадках.

– Это же как в любви: для одних разлука – испытание на верность, для других – повод для расставания. Вас трудности сплотили?

– Думаю, да. Поток детей увеличился, пришли и остались новые руководители, много программ создано. Конечно, закалились. Сейчас готовимся к переизданию опыта у больших сцен. Изменится штатное расписание, переживаю, кто станет новым членом семьи?

– Руководство филармонии – и мёдом помазано, и перцем припорошено. Что вас здесь держит?

– Трудности, конечно, есть. Но они без перца. Они преодолимы. За ними видны радостные лица детей, родителей, зрителей. И помогают с ними справиться личности, с которыми работаю с первого дня: Юрий Бондарь, Ирина Рябова, Елена Сташенко, Ольга Журавлёва, Марина Макарова, Надежда Глухова, Ольга Вологина. В этом году пришёл замечательный Вячеслав Кульмаметьев. Они любят, знают, чувствуют детей. Если будем только по головке гладить и маслом смазывать –

ничего не получится. Когда дети понимают, что их ценят, что ими дорожат, ощущают востребованность, отдачу работе все силы. Скажу крамольное: слово «детская» уже мещает, мы выросли из детства, поднялись на другой уровень.

– Среди руководителей областных учреждений культуры вы 20 лет были чуть ли не единственной женщиной. Отношения складывались на равных?

– Я пришла в культуру из народного образования. Была новым, чужим, человеком. Михаил Сафронов, руководивший в 90-е областным департаментом культуры, принял меня, доверил «любимое дитя», коим всегда была детская филармония. Он для меня – гуру: никогда не давил, своим примером показывал, как находить контакт, научил очень важному в нашем деле – умиению радоваться победам других. Наши учреждения культуры все конкурентоспособные, у каждого своя ниша. Но ценно, что есть команда: нужна помощь – идём и помогаем.

– Бантики, юбочки, песенки... Политика, кажется, вас не касается?

– Не замечала, чтобы напрямую. Творческий процесс не прекращался, несмотря на политические катаклизмы, смену руководителей. Дети вне политики. Мне хочется, чтобы культура вообще была вне политики, но так не получается. Когда в мае 2008-го оказались в труднейшей ситуации, можно было выйти с протестами, организовать родителей, но мы никогда не спекулировали на детях. За каждым поступком нужно предвидеть их реакцию.

– Трудности, конечно, есть. Но они без перца. Они преодолимы. За ними видны радостные лица детей, родителей, зрителей. И помогают с ними справиться личности, с которыми работаю с первого дня: Юрий Бондарь, Ирина Рябова, Елена Сташенко, Ольга Журавлёва, Марина Макарова, Надежда Глухова, Ольга Вологина. В этом году пришёл замечательный Вячеслав Кульмаметьев. Они любят, знают, чувствуют детей. Если будем только по головке гладить и маслом смазывать –

ручений, трудно бывает сказать, что нужно остаться и поработать после 18.00. Иду мотивирую. Хотя мы и суботники проводим, и песни комсомольские поём.

– Говорят, вы никогда не ругаете сотрудников...

– Мне кажется, ругаю. Другое дело, никогда не кричу, могу ругать шёпотом или просто посмотреть.

– Что сложнее – держать удар или держать спину?

– Удар держу. Вынуждена держать. Часто в душе комплекую, но виду не показываю. Переживаю: где-то упустила, не так ответила. В коллективе об этом никто не подозревает. Когда тяжело, говорю сама себе: «Получила? Дала слабину, придётся начинать снова».

– Сколько можете быть сильной?

– До конца.

– Плачете?

– Да. И обиды захлестывают. Но только, когда никто этого не видит.

– До прихода в филармонию вы были самым молодым директором школы в Свердловске?

– Не школы, а Верх-Исетского Дома пионеров. В 23 года. По образованию я учитель географии-биологии. Пришла со своими педагогическими требованиями: нужны планы, нужно знать родителей, детей. Наверное, внесла диссонанс в творческую атмосферу, но оказалось: не зря. Всё пригодилось.

– Что бы вы сохранили из советской школы?

– Уважение к учителю. На родительских собраниях обязательно рассказываю про наших педагогов, призываю их всех любить, потому что они с детьми проводят больше времени, чем мамы-папы, столько знаний несут. Я никогда не кричу на детей. Пять лет, десять – он уже личность. Ребёнок иногда падает на репетиции, иная мама крикнет: «Под ноги смотри!» Я всегда заступилась: «Попробуй сама».

– Директором филармонии вы «сделали» сын?

– Он так считает. Просто Стас пел в Капелле, а я была активным членом родительско-

го комитета. Любила организовывать яркие вечера дружбы, встречи выпускников, Новый год. Однажды дети возвратились с победой с конкурса, и мы прилетели в Москву, где нас никто не ждал, встретил их. В августе 1990 года в пионерском лагере «Жемчужина» мы сидели у костра, говорили о дружбе, о детской филармонии. И Юрий Николаевич Бондарь говорит: «А вот пришли бы вы к нам работать». Я утром съездила уволилась и пришла.

– Авантюристка?

– Лёгкая на подъём, но не бесшабашная. В детстве готовилась быть Зоей Космодемьянской. Собрала детей из округа, поднялись с зонтиками на третий этаж строящегося дома. Под окном навалили кучу камней – десантирую, ведь не знаешь, что тебя ждёт на земле. Угадайте, кто прыгнул? В себя пришла на третьи сутки.

– Не ловите себя на мысли, что ваше время уходит, что другие ценности в жизни, другие герои?

– Думала. И не раз. Я человек реальный. Так бывает, наверное, с каждым поколением, входящим в возраст зрелости. Я не считаю себя старой. Вопрос в отношении к жизни, а не в годах. Меняется ментальность. Раньше на руководящие должности и назначали позже, и уходили с них позже. Незаменимых, говорят, нет. Наверное, да. Но в искусстве, точно знаю, есть. Я всё делала честно, придумывала интересно, и многое ещё хочется. Боюсь сплзнуть, но я верю в детскую филармонию. И точно знаю – случится что, придёт Журавлёва: «Что придумывала, куда пошла?», Макарова положит руку на плечо: «Знаешь что, Люси, если уходишь, так все».

– Незаменимых в искусстве нет, а авторитеты?

– Конечно – Александр Колотурский и Михаил Сафронов. Был им Вадим Вяткин и остаётся Владимир Мишарин. Наталья Штерн, заместителя директора филармонии, ценю за умение анализировать, веско и не торопясь высказать своё мнение, за то самое умение держать удар. И всегда – Олег Табаков. Говорит он о внуках, о театре, о доме, о репертуаре – я всё впитываю, мне всё нравится.

– В церковь ходите?

– В большие праздники – обязательно. Меня в три месяца крестили в Ивановской церкви, где дед был смотрителем. Я родилась слабой, меня держали на печке, выпаривали в корзинке и потом понесли к Богу. Семья жила с верой, но не выпячивала этого. Вступая в партию, я верила в правильное дело и в человека. Только ты сам знаешь, что делаешь правильно, а что нет. В доме есть икона из собора, где мы венчались, и первое, что говорю утром: «Спасибо за день и прости за все». Я ничего у Бога не прошу.

– А дома вы кто?

– Старшая. Когда не стало мамы с папой, я осталась за старшую. Это даже не ответственность, а обязанность – напомнить, обречь, помочь, поддержать. Брат едет ко мне не как к сестре, а как домой: покушать, поспать, отдохнуть. Лет до пяти он меня мамой звал. У нас 11 лет разницы, он родился в марте, мама в июне вышла на работу, у меня начались каникулы, и Витя стал моей заботой. Папа был человек-праздник: инженер-мелиоратор с музыкальным образованием – играл на трубе, дружил с музыкантами. Мама, старшая, была первым администратором комбината питания ещё в старом цирке. Всю себя посвятила папе, называла его не иначе как «мой кар-

тиночка». Лучший кусок всегда был ему. Женщины в нашей семье воспитаны в почитании мужчин. Хотя стержень – мы. Но когда трудно, их любовь и поддержка рядом. В 1994 году у меня случился второй инсульт, заново училась ходить, говорить. Стасу тогда было 16 лет, он меня выходил. С тех пор боюсь декабрей, потому что оба инсульта случились в декабре. Когда мне плохо, говорит: «Маленькая ты наша, что напридумала?». Недавно ездила к Ане в Москву. Не в командировку, а в гости. Я была окружена любовью. Она пекала пирог из баклажанов с брынзой, делала курицу в апельсинах, по театрам водила. Я была вдовой и только принимала.

– Вам позволили быть слабой...

– Да. Когда мне очень хочется, нахожу возможность быть слабой, мне позволяют это. Хотя бы два дня.

– Есть человек, который знает про вас всё?

– Нет. Иногда сама не могу просчитать свою реакцию. Я благодарна Богу, что в момент когда многие женщины остаются одни, рядом появился Сергей Николаевич. Я нашла любимого мужа, хорошего человека и отца своим детям. Стасу было 20, когда мама позвала замуж. Он задал единственный вопрос: «А книги он читает?».

– За что вы благодарны своим детям?

– За покой. Никогда не истерили (я чоху!), не лезли, куда нельзя. Я не проверила ни одной тетрадки. Как-то в 10-м классе спросила дневник у сына, он удивился: «Зачем тебе это?». Во дворе затеяла новогоднюю газету, клеила игрушки, придумывала сериалы из сказок. Испортила дома шикарный ковер, потому что Стасику, болевшему краснухой, стало скучно, и мы из гладильной доски сделали качели. И большая банка эмали опрокинулась. Я как мать спокойна. И благодарна детям за этот покой.

– Сегодня не все дорожат традициями прежних поколений. В вашей семье они живы?

– Обязательно. Воскресенье должно пахнуть блинами. Я выросла в казачьей семье, где все религиозные праздники отмечали: святили вербу, красили яйца, пекли блины. Это вошло и в жизнь моей семьи. А ещё мы любим делать подарки. Просто так. Дарим не нужные вещи, а милые неожиданности. Но одну семейную традицию потеряли: читали раньше с детьми один и те же книги, а сейчас Стас обогнал меня.

– Представляете себя бабушкой?

– Когда Аню спросили, кому доверить воспитание будущих детей, она сказала: «Маме». Мне кажется, я буду очень хорошей бабушкой, буду баловать. Я собрала видеотеку советских мультфильмов, у меня много книг, которые Аня со Стасом читала. И ещё храню «Правду» и «Комсомолец» за те дни, когда родились мои дети, чтобы знали, в какое время они пришли на свет и что тогда было.

– Вы производите впечатление человека, окруженного любовью. Какая ваша любовь? Какой у неё запах, голос, ощущения?

– Я никогда не думала об этом. Но точно, что она – тёплая и пушистая как оренбургский пуховый платок. Очень обволакивающая. Сегодня она такая. Но лет 30 назад была совсем другой.

– Вы любите или позволяете себя любить?

– И так, и так. Но больше сама, наверное. Я люблю любить.

Чтобы услышать истину из уст младенца, надо быть рядом с ним

ДОСЬЕ «ОГ»

Людмила Георгиевна СКОСЫРСКАЯ
Родилась 12 мая 1957 в Камышлове.
В 1975 году окончила среднюю школу, в этом же году поступила в Государственный педагогический институт.
С 1980 года – директор Дома пионеров В-Исетского района Свердловска.
С 1991 года возглавляет Детскую филармонию.
В 2002 году окончила Академию переподготовки работников культуры и туризма по программе «Менеджмент концертной деятельности».
В 2001 году за большой вклад в развитие детского исполнительского творчества награждена Почётной грамотой губернатора Свердловской области.
В 2004 году стала лауреатом I степени областного конкурса «Женщина года», была награждена Почётной грамотой губернатора Свердловской области за большой вклад в эстетическое воспитание подрастающего поколения.
В 2006 году награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством». И степеней, удостоена звания «Дочь города-Дочь России».
В 2011 году удостоена звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» за значительный вклад в сохранение и развитие детского исполнительского творчества, поддержку одаренных детей и музыкальную просветительскую деятельность.

Блиц-опрос

– Что вы всё-таки боитесь?

– Высоты. Как все матери – болезней детей и близких. Боюсь неприятных телефонных звонков. Они были в жизни и потому на ночь отключая телефон.

– Умеете говорить слово «нет»?

– Да.

– Самое сильное впечатление последнего времени?

– Регистрация брака моего сына. Я там не была, но это состоялось.

– Морю, лес, горы. Что выбираете?

– Лес. Особенно осенний. Я так люблю его краски, звенящую тишину, покой. Весенний лес – дерзкий, немного неужоженый. Осень – моё время.

– Книжки, которые перечитываете?

– Два любимых писателя – Чехов и Мозм. «Театр» могу открыть и цитировать с любой страницы.

– А свою о чём бы написали?

– О любви.

– Чему бы сейчас хотели научиться?

– Не только сейчас. Всю жизнь мечтаю выучить языки. Меня Бог обделил этим талантом. Хотя умудряюсь объясниться за границей.

– Танцуете?

– Да! Много лет занималась балльными танцами. И при каждой возможности с мужем танцевала. В сентябре в Праге танцевали танго. Но больше люблю вальс.

– Идеал гармонии есть?

– Уж очень по-советски: утром хочу на работу, а вечером домой.

– Справедливость, которую хочется исправить.

– Как в «Женитьбе Балзаминова»: «Ну почему богатые женятся на богатых, а бедные на бедных? Если бы я был царём, сделал бы наоборот». Если серьёзно, то исправила бы выражение «ненасыт по старости». Должна быть пенсия по возрасту. Как можно так обижать людей?

– Планируете свою жизнь?

– Конечно! Отпускаю лет на семь вперёд: Урал не весь посмотрели. Уже семена купила, планирую, что посажу.

– Самое важное место в квартире?

– Кухня. Люблю, чтоб под рукой было много техники.

– Больше любите готовить или угощать?

– Угощать. Украшать. Но и готовить тоже. Даже если плохое настроение. Оно исправится в процессе готовки.

– Какая мечта детства сбылась?

– Я стала учителем. Я всегда мечтала об этом.

Задор и целеустремлённость – из пионерского прошлого